

Цветаев Дмитрий Владимирович

Баллады Шиллера

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Владимирович Ц.**
Баллады Шиллера / Цветаев Дмитрий Владимирович – М.: Книга по Требованию, 2024. –
150 с.

ISBN 978-5-521-29466-4

ISBN 978-5-521-29466-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Шиллеръ принадлежитъ къ тому немногочисленному кругу поэтовъ-художниковъ, чье положеніе не смогли поколебать у насъ ни стремленіе къ реализму, ни взмахи противозстетической критики, особенно сильныя въ 60-хъ годахъ. Кто-бы ни вчитывался въ его произведенія, непременно, противъ своей воли, чувствуетъ ихъ обаяніе: юноша тревожится лежащими въ нихъ идеалами, взрослый—глубокой и трезвой мыслью, эстетикъ—воплощенной въ словъ красотой. За послѣднее-же время, съ большимъ-ли развитіемъ эстетическаго вкуса, или благодаря замѣчаемому повороту вообще къ художественному, къ Шиллеру, какъ одному изъ образцовыхъ его представителей, начинаютъ присматриваться еще пристальнѣе. «Полное Собраніе» его сочиненій вышло уже пятымъ изданіемъ, чаще и чаще требуя своего повторенія и расходясь въ количествѣ экземпляровъ, далеко оставившемъ по себѣ произведенія даже нашего отечественнаго корифея художественной поэзіи—А. С. Пушкина. Распространяться о важности или необходимости серьезнаго изученія его произведеній было-бы, слѣдовательно, совершенно излишне: потребность создавалась и сознанна.

Совсѣмъ другое дѣло, когда касаются вопроса, по чему и какъ изучать. За исключеніемъ переводовъ самыхъ произведень и вскользь брошенныхъ замѣтокъ, вся, заслуживающая вниманія, литература, можно сказать, исчерпывается у насъ: «Шиллеръ, Вольтеръ и Руссо» г. С. (Москва, 1843), «Шиллеръ, Біографическій очеркъ» Л. фонъ-Вицерта (М. 1860) «Шиллеръ и его время» публичныя лекціи проф. О. Θ. Миллера (Ж. М. Н. Пр. 1861, CXI) и «Шиллеръ и его время»

Юг. Шерра (переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія, М. 1875). Написанныя не позднѣе 60-го года, времени, когда, съ празднованіемъ столѣтняго юбилея поэта, только что стала на западѣ усиливаться серьезная работа надъ Шиллеромъ, всѣ эти произведенія не имѣли и возможности представить вполнѣ обстоятельнаго отчета о жизни и твореніяхъ поэта. Обширная же западная литература, изъ которой одна нѣмецкая, обогащаясь съ каждымъ годомъ, насчитываетъ теперь до тысячи о немъ работъ, доступна сравнительно немногимъ и, по своей сложности и специализированности, не вполнѣ удобна, чтобы свободно ориентироваться въ ней и специалисту. И неудивительно, что свѣдѣнія о Шиллерѣ у насъ обыкновенно нейдутъ далѣе непосредственнаго знакомства съ переводными его произведеніями и самыхъ общихъ о нихъ положеній.

Предлагаемые опыты выясненія балладъ Шиллера — начало нашихъ работъ надъ его произведеніями. Въ балладахъ, при ихъ сравнительно небольшомъ объемѣ, какъ въ фокусѣ, отразились существенныя свойства его поэзіи, какой она была въ пору высшаго ея расцвѣта: его міропоззрѣніе, способы изложенія и т. п. Чрезъ нихъ удобнѣе приступить къ тщательному изученію всего поэта. Важно также, что они, благодаря сначала Жуковскому, пользуются у насъ ббльшею извѣстностію предъ всѣми его произведеніями. Часть ихъ всегда проходила въ нашихъ школахъ, а въ новыхъ классныхъ хрестоматіяхъ, напр. Л. Поливанова, и по послѣдней программѣ для военныхъ гимназій они введены почти цѣликомъ, во всемъ ихъ составѣ. Сами германцы такъ отзываются о нихъ: «въ цѣлой нѣмецкой литературѣ чрезъ всѣ ея вѣка едвали можно указать на что-нибудь, что заслуживало-бы одинаковаго съ данными стихотвореніями Шиллера изученія всѣми безъ исключенія нѣмцами». Вотъ причина, побудившая насъ начать съ указанныхъ произведеній, чтобы потомъ перейти къ другимъ его созданіямъ.

Постараемся опредѣлить нашу задачу.

Предъ такими истинно-поэтическими произведе-

III

іями, какъ творенія Шиллера, невольно смолкають эгоистическія стремленія, слабѣють тенденціи, зависть, партіи, и сами собой возникаютъ эстетическіе вопросы—положеніе, по нашему мнѣнію, не подлежащее спору. Если это вѣрно, то вѣрно также и то, что при выясненіи ихъ эстетическая сторона должна господствовать предъ всѣми другими. Поэтическое произведеніе богато и идеей, и содержаніемъ, историческими, художественными, логическими, психологическими и чисто-филологическими элементами—все это и важно объяснить; но прежде всего и больше всего — проходящую въ немъ, во всѣхъ его элементахъ, стихію красоты. Только этимъ путемъ по всемъ объемамъ въ концѣ концовъ обрисуются и свѣтлый образъ поэта, и его благородная и все облагораживающая поэзія; только этимъ путемъ поймемъ, что даетъ произведенію неослабно-чающую и образовательную силу.

Говорятъ, вопросъ о самомъ поэтѣ не имѣетъ особеннаго значенія. Изъ одного моря извергаются и грязь, и жемчужина; мы беремъ жемчужину, любимся ей, и намъ нѣтъ нужды до моря и его ила. Но еще Пушкинъ замѣтилъ: «слова поэта суть уже дѣла его», т. е. отдѣлять одно отъ другаго невозможно, а Жуковский даже само образовательное вліяніе поэтическихъ созданій поставилъ въ неразрывную связь съ «тѣмъ, что есть самъ поэтъ». «Увлекаемые прелестью его созданія, говоритъ онъ, мы нечувствительно проникаемся его вѣрою, его любовію, его возвышенностію и чистотою, и онъ по тайному сродству остаются въ сліяніи съ нами, какъ послѣдній результатъ поэтическаго наслажденія... Если онъ чистъ, то и мы не осквернимся, какіе бы образы, нечистые или чудовищные, ни представлялъ онъ намъ, какъ художникъ; но и самое святое подѣйствуетъ на насъ какъ отравя, когда оно намъ выльется изъ сосуда души отравленной». Поэтому при выясненіи произведеній раскрыть отразившіяся въ нихъ внутреннія свойства поэта, его взгляды—дѣло немаловажное.

Душа Шиллера, такъ ярко отразившаяся въ его твореніяхъ, до того чиста, симпатична, что и его произ-

веденія насквозь проникнуты какой-то особенной чистотой и красотой. По необходимости, по самому свойству предмета, намъ придется остановиться въ произведеніяхъ на ихъ положительныхъ элементахъ. «Критика», критическая оцѣнка не будетъ опущена нами; все же—возможно полное и обстоятельное раскрытіе положительныхъ свойствъ разбираемыхъ произведеній будетъ преобладать предъ раскрытіемъ отрицательнаго. Когда найдемъ и поймемъ первыя, откроется и второе. Возможная же всесторонность обзрѣнія удержитъ насъ отъ излишней специализированности. Способъ изложенія по возможности—разнообразный, соответственно особенностямъ каждого отдѣльнаго произведенія.

Такимъ образомъ въ нашемъ трудѣ, хотя и озаглавленномъ: «выясненіе» или «объясненіе», не имѣется въ виду осуществленіе какой нибудь изъ извѣстныхъ у насъ теорій такъ называемаго «объяснительнаго чтенія». Печальные примѣры рабскаго примѣненія ихъ еще до того живы въ памяти, что едвали возбудятъ въ комъ охоту къ повторенію ихъ.

Было время—да и исчезло ли оно?—когда, слѣдуя предвзятымъ въ педагогическихъ видахъ теоріямъ, у насъ или ограничивались однимъ отрывочнымъ выясненіемъ отдѣльныхъ словъ произведенія, или по поводу слова, взятаго безъ связи съ другими, велись пространныя бесѣды о предметахъ и явленіяхъ, которыя означались этими словами. По поводу слова: «роса», встрѣчаемаго въ выраженіи «на зарѣ трава покрыта росой», цѣлый часъ трактовалось о физическихъ явленіяхъ съ водой при теплѣ и холодѣ; по поводу стихотворенія Кольцова: «Пѣснь пахаря» цѣлыхъ три урока говорилось о земледѣльческихъ орудіяхъ. Теоретики будто не замѣчали, что отъ подобныхъ безсвязныхъ и произвольныхъ поясненій само произведеніе—его красоты, его свойства—не дѣлались ни понятнѣе, ни привлекательнѣе, а ученики послѣ этихъ выясненій затруднялись передать даже содержаніе произведенія: послѣднее казалось имъ какимъ-то лексикономъ, а не организмомъ. Случалось и такъ, что стремились выяснять одну идею

произведенія, какъ будто-бы въ немъ нѣтъ ничего другаго; стоящаго меньшаго изученія; или же, хотя разсматривали съ различныхъ сторонъ, но въ такомъ громадномъ по количеству и схоластическомъ распорядкѣ вопросовъ, одинаковомъ для самыхъ разнообразныхъ произведеній, что разборы стали отличаться шаблоннымъ, наводящимъ скуку, однообразіемъ и приторностію. При разборѣ меньшаго, въ двѣ—три строфы, стихотворенія предлагали ученикамъ цѣлыя сотни сначала «основныхъ», потомъ «наводящихъ» вопросовъ. Немногіе удержались отъ крайности: счастливыя исключенія у всѣхъ передъ глазами.

Пора положить конецъ подобнымъ увлеченіямъ. Довольно, отдали имъ дань. Исторія объяснительнаго чтенія—исторія колебанія у насъ практической постановки изученія словесныхъ произведеній, пріеятельная сама по себѣ, проливающая свѣтъ на то, какъ наиболѣе энергичные преподаватели старались создать устои на зыбкой почвѣ; но она нуждается въ самомъ тщательномъ пересмотрѣ и въ настоящемъ своемъ положеніи едва ли въ силахъ предписать безусловныя правила. Да и вообще говоря, если теорія имѣетъ значеніе для фактовъ, то и факты вліяютъ на измѣненіе самыхъ теорій. Если работа выясняетъ намъ произведеніе въ его цѣломъ и частяхъ: то что за дѣло намъ, подходитъ объясненіе подъ которую-нибудь изъ существующихъ теорій или нѣтъ?!

Тѣмъ легче намъ не слѣдовать указаннымъ теоріямъ, что наша цѣль нѣсколько иная, не исключительно педагогическая. На первомъ планѣ стоитъ у насъ само произведеніе, потомъ уже читатели. Ученикамъ можно давать нашу работу только для чтенія, какъ пособіе къ класснымъ занятіямъ и внѣкласснымъ сочиненіямъ. Положимъ, даны будутъ темы: Описаніе Харибды, по балладѣ «Кубокъ», характеристика дѣйствующихъ лицъ въ такой-то балладѣ, сравненіе такой-то баллады съ матеріаломъ для него, свойства романтизма, по балладамъ Шиллера и т. д.—ученики найдутъ въ нашемъ трудѣ нужныя указанія. Могутъ они извлечь

свѣдѣнія и посредствомъ самостоятельнаго чтенія, послѣ разбора произведенія на урокъ словесности.

Здѣсь-то и различіе между «объяснительнымъ» и «самостоятельнымъ» чтеніемъ. Первое, безконечно варьируясь сообразно съ степенью развитія учениковъ и специальными потребностями проходимаго курса, должно отличаться необыкновенной краткостію, должно быть рассчитано на доступность и интересъ для всѣхъ учениковъ, безъ исключенія; второе—для нѣкоторыхъ, болѣе способныхъ, развитыхъ, которые въ состояніи не ограничиваться однимъ класснымъ курсомъ.

Смѣшеніе этихъ двухъ совершенно различныхъ занятій и приводило къ тѣмъ печальнымъ послѣдствіямъ, какія были замѣчены какъ въ нашихъ, такъ и въ нѣкоторыхъ, послужившихъ намъ образцомъ, западныхъ школахъ. Количество изучаемыхъ произведеній приносилось въ жертву дробности толкованій; въ преувеличенномъ опасеніи «голословности» проходимаго курса, въ неправильно приложенномъ стремленіи, вмѣсто «самодовольнаго, непрочнаго и поверхностнаго энциклопедизма», дѣйствительно всегда и всѣмъ вреднаго, работать въ воспитанникахъ «самостоятельность сужденія», доставивъ имъ возможность «подвергнуться спокойному и благотворному вліянію самыхъ произведеній», увлекшіеся новаторы—педагоги на самомъ дѣлѣ, въ концѣ концовъ, до невѣроятности суживали умственный кругозоръ своихъ учениковъ.

Основательность классной работы отнюдь не должна исключать ея разнообразія. Если желаемъ сдѣлать своихъ учениковъ хоть сколько-нибудь «зрѣлыми», необходимо натолкнуть ихъ на возможно большее количество вопросовъ, дать имъ осязательно почувствовать, что въ умственной сокровищницѣ различныхъ вѣковъ и народовъ много такого, что стоитъ знать, къ приобрѣтенію чего должно стремиться каждому, кто намѣренъ принять участіе въ умственной дѣятельности народа; каждому хоть сколько-нибудь интеллигентному человѣку необходимо знать важнѣйшія явленія отечественной и отчасти иностранной литературы. Но этого никогда не

достигнуть, если по нѣскольку уроковъ останавливаться даже на мелкихъ произведеніяхъ. Для класснаго объясненія совершенно достаточно повысить учениковъ надъ первымъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ, довести ихъ до того, чтобы они могли со смысломъ передать содержаніе произведенія и, когда нужно, сдѣлать нѣсколько подходящихъ замѣчаній; все же остальное пусть будетъ предоставлено послѣднимъ самостоятельнымъ занятіямъ учениковъ и ихъ домашнимъ чтеніямъ. Тогда не придется прибѣгать къ сотнямъ вопросовъ по поводу одного небольшого произведенія и тѣмъ доводить учениковъ до пресыщенія, какъ-то иногда практиковалось до сихъ поръ; откроется возможность, при томъ же количествѣ уроковъ, разширить курсъ словесныхъ произведеній, а самую работу не навязывать всѣмъ ученикамъ въ однихъ и тѣхъ же размѣрахъ: сходный въ существенномъ, курсъ въ дальнѣйшемъ развѣтвленіи будетъ расходиться сообразно съ особенностями каждаго воспитанника. Стараніе все выяснить воспитанникамъ — напрасное, по крайней мѣрѣ такъ показала практика. Многое въ произведеніяхъ иногда остается непонятнымъ и самому образованному человѣку. Классное занятіе — звѣно между разбираемыми произведеніями и существующей о нихъ литературой, къ которой можетъ перейти далеко не всякій.

Для чтенія, понимаемаго въ указанномъ смыслѣ, нашъ трудъ о Шиллерѣ, поэтѣ юности по преимуществу, надѣмся, будетъ не бесполезенъ.

Изложеніе и общая постановка едва ли окажутся выше пониманія воспитанниковъ. Хорошій ученикъ послѣ разъясненія учителемъ иногда съ полнымъ пониманіемъ и интересомъ читаетъ такую книгу, какая бываетъ не всегда по-плечу и вообще обычному образованному человѣку. На учениковъ нельзя смотрѣть низко; излишнее элементарничанье всегда отзывается на нихъ вредно. Лучше заставлять ихъ возвышаться до пониманія болѣе труднаго и сложнаго, чѣмъ долго держать на чисто «дѣтской» литературѣ.

Насколько выполнена будетъ задача — судить не

намъ; но каждое мнѣніе критики, въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ, будетъ принято нами съ благодарностію, и, на-сколько можемъ, воспользуемся имъ въ дальнѣйшихъ работахъ. Дѣло слишкомъ сложно, чтобъ обходиться въ немъ безъ посторонняго содѣйствія. Одно пока считаемъ нелишнимъ предупредить. Большія произведенія Шиллера, его драмы, будемъ разбирать сравнительно съ меньшей дробностію, чѣмъ предлагаемыя баллады. Главнѣйшіе теоретическіе вопросы будутъ рѣшены еще здѣсь, и тамъ само собою съюзятся рамки нашихъ выясненій.

Въ заключеніе позволимъ обратиться къ поэтамъ-переводчикамъ. Изъ прилагаемыхъ толкованій и подстрочныхъ примѣчаній видно, какъ даже лучший переводъ В. А. Жуковского, не смотря на всѣ его чистопоэтическія достоинства, страдаетъ неточностію передачи подлинника. Нашъ поэтъ допускалъ отступленія не всегда по свойству своего поэтическаго дара или въ силу своего взгляда на достоинство перевода, по которому переводъ долженъ имѣть съ подлинникомъ лишь «одинаковое количество красокъ», хотя-бы и не имѣющихся въ подлинникѣ, и стремился къ тому, чтобы «произвести то же дѣйствіе, какое производитъ подлинникъ»: многія неточности произошли и отъ недостаточнаго усвоенія особенностей переводимаго текста. По крайней мѣрѣ извѣстно, что, напр., «Кубокъ» Жуковскій принимался переводить нѣсколько разъ въ продолженіе многихъ годовъ и кончилъ, пока, наконецъ, подумалъ, что постигъ его красоты. Тогда не была богата пособіями даже и нѣмецкая литература; теперь-же, послѣ сдѣланныхъ указаній, быть можетъ, это будетъ значительно легче. И если-бы кто изъ нашихъ переводчиковъ потрудился въ данномъ направленіи, въ отстраненіи недостатковъ,—то, нѣтъ сомнѣнія, оказалъ-бы громадную услугу и школѣ, и обществу.

Предъ нами стихотвореніе, о которомъ критика призналась, что оно, сравнительно краткое по объему, и весьма сложное по составу, нелегко для пониманія, но за то чѣмъ болѣе вчитываешься въ него, тѣмъ болѣе открывается въ немъ привлекательнаго, тѣмъ болѣе такого, надъ чѣмъ невольно призадумываешься....

Первенецъ въ длинномъ ряду балладъ, написанныхъ Шиллеромъ, оно явилось въ іюнѣ 1797 года,—въ періодъ, когда поэтическій даръ Шиллера принялъ свою высшую форму, а самъ поэтъ, въ дружественномъ литературномъ соперничествѣ съ Гете, окончательно отдался своему поэтическому творчеству, не уклоняясь уже ни въ область церковнаго ораторства, ни въ область медицины, государственнаго права, исторіи или философіи, какъ то дѣлалъ до сихъ поръ. 10 іюня Гете, бывши въ Іенѣ, писалъ въ Веймаръ своему другу, чтобы онъ поскорѣе топилъ своего водолаза. „Счастливое совпаденіе, прибавлялъ онъ, что между тѣмъ какъ я свою пару вожу въ огонь и изъ огня (намекъ на одновременно сочиняемыя имъ баллады: „Коринѣская неvě-

ста“ и „Богъ и Баядерка“), вашъ герой выбираетъ себѣ противоположный элементъ“. Чрезъ нѣсколько дней, 14 іюня, Шиллеръ окончилъ балладу и послалъ ее Гете, Кернеру и нѣкоторымъ другимъ. Они, подвергнувъ эстетической критикѣ, нашли ее превосходной.

Лучшій и наиболѣе распространенный у насъ переводъ принадлежитъ Жуковскому. Шиллеръ назвалъ свое произведение „Der Taucher“ („Водолазъ“), нашъ переводчикъ измѣнилъ это заглавіе на другое—„Кубокъ“ и допустилъ нѣкоторыя уклоненія отъ подлинника въ самомъ текстѣ. Помѣщая стихотвореніе по этому переводу, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ мы уважемъ наиболѣе существенныя отклоненія и объяснимъ встрѣчающіяся здѣсь названія мало извѣстныхъ предметовъ, а затѣмъ предложимъ и подробный разборъ всего произведенія, въ его цѣломъ и частяхъ.
